***

В России нынче непогодится.
Гуляют буйные ветра.
Дожди в округе хороводятся
и гонят к печке со двора.

Стихия любит нашу родину.
И мы любовь питаем к ней.
Чаи гоняем со смородиной
в преддверии коротких дней.

А в Генуе и во Флоренции
сейчас тепло как никогда,
и к женщинам на аудиенции
спешат под вечер господа.

А нам и со своими дамами
сидеть удобно на печах,
мы потчуем их марципанами
и обольщаем при свечах.

И вот уже в сердцах веселие,
поскольку нежный марципан
дарует осенью спасение
от скуки и душевных ран.

Мартини дамы пьют в Италии,
а наши, сидя на печах,
велят, чтоб водочки подали им
и пыл любовный не зачах.

Осенней сказки людям надобно,
и сказка эта хороша!
Отрадно нам, что не разгадана
доселе русская душа.

Мы с понедельника ждём пятницы,
находим радость в хмурых днях,
и печи греют наши задницы
в родных российских ****ях.

ОПЯТЬ ВЫ...

Опять Вы на моём пути.
Опять красивы и прелестны.
От Вас мне было бы уйти
перед самим собой нечестно.

С годами разум осознал:
особенность имеет сердце —
остыв, забыть свой идеал,
увидев — снова разгореться.

В душе то пламя, то зола,
то пресыщение, то голод.
Любовь то ласкова, то зла,
в её очах то жар, то холод.

Не вижу Вас, и нежный пыл
рассудком гасится неспешно,
я забываю, что любил,
любил недолго, но успешно.

Но стоит только увидать
Ваш силуэт среди прохожих,
желанье давнее опять
меня терзает и тревожит.

Встречаю Вас я на пути,
и хоть решил — навек забуду,
но чувство нежности в груди
вновь набирает амплитуду.

ОСЕННЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Спасибо Вам за всё, что было,
забудьте череду обид.
Хоть Ваше сердце и остыло,
но память образ мой хранит.

Согласен стать воспоминаньем
и, растворясь в осенней мгле,
не бередить ваш слух признаньем,
что Вы — одна на всей земле.

И не спешить с письмом на почту,
дозволив изложить перу:
как из-под ног уходит почва,
как скоро я без Вас умру.

Не видеть, находясь в засаде,
как Вы и новый кавалер
гулять идёте на ночь глядя
в полузабытый Богом сквер.

Совсем не мучиться вопросом:
зачем гулять в столь поздний час?
Наполнив рюмку кальвадосом,
не поднимать её за Вас.

И не идти за вами следом,
почуяв: что-то здесь не так.
Не замечать, что по приметам
Ваш спутник — вылитый маньяк.

Не наблюдать, в кустах скрываясь,
как он расстелет макинтош,
положит Вас и, ухмыляясь,
достанет острый финский нож.

Не слышать в сквере Ваши вопли,
не видеть чётко сквозь кусты
как утираете Вы сопли
в преддверии большой беды.

Не поднимать с земли корягу,
чтоб сбить с маньяка пыл и спесь,
забыть на время про отвагу,
забыть про доблесть и про честь.

Я — тень. Я лишь воспоминанье,
которым мне случилось стать —
и Вашим было то желанье,
и я не буду Вас спасать.

ЕСЛИ…

Я люблю твою походку,
и лицо, и говорок,
а ещё твою шарлотку
и твой грушевый пирог.

Время я люблю ночное.
Нахожу блаженство в нём,
если в доме есть мучное,
если в доме мы вдвоём.

Если булочки с корицей
и румяны, и свежи,
значит, быть тебе царицей
моей трепетной души.

Ну а если штрудель венский
из духовки вынешь ты,
быть тебе княжной вселенской,
воплотившей все мечты.

Ты творишь святое дело,
добавляя в торт коньяк,
душу я отдам и тело,
но не думай, что за так.

Если тонкие бисквиты
смогут крем впитать густой,
если будут сливки взбиты,
я по умолчанью — твой.

Если пицца подгорела,
если сдобы нет в меню,
обещаю только тело,
а с душой повременю.

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

Мгновенья жизни, словно звёзды,
в ночи мне освещают путь.
Мгновенья жизни — это грёзы,
которые нельзя вернуть.

Их свет, их лёгкое дыханье
с небесной сходят высоты,
за ними тянутся желанья,
а за желаньями — мечты.

Мгновения былых событий
пред взором мысленным встают.
Теперь я только вечный зритель,
нашедший в них себе приют.

Мгновенья жизни — это малость,
но в каждом дух святой живёт.
И сколько их ещё осталось,
никто не знает наперёд.

БЕСЕДЫ

— Мой господин, дозволь своей рабе
являться каждый день в твои покои
и делать всё, что хочется тебе,
нарушив все моральные устои.

Ты — бог Эрот. Ты так в любви хорош,
что мой живот в одно твоё касанье
переживает чувственную дрожь
и ощущает бабочек порханье.

Служить тебе, мой властелин, позволь,
раз уж во мне кипит такое чувство.
Сперва вкуси элитный алкоголь,
затем — моё любовное искусство.

— Царица грёз моих, моих страстей,
я тоже нарушать хочу устои!
И у меня есть парочка идей,
с которыми не вспомнишь о покое.

И хоть весьма заметен мой живот,
в нём бабочек аналогичных стая
с великим удовольствием живёт,
усердно по периметру порхая.

Сверкают твои очи, как слюда.
Любовь к тебе сломила мою волю.
Боюсь лишь, на двоих нам, как всегда,
элитного не хватит алкоголя...

...И так, за комплиментом комплимент,
течёт беседа, мягко тают свечи.
Оттянут плотской радости момент
во имя красоты любовной речи.

Мы льстим друг другу, мы играем роль,
от монологов движемся к дебатам,
и в хрустале элитный алкоголь
благоухает сложным ароматом.

***

Молиться бы, да веры нет,
а если сердце не готово,
то всякое святое слово
воспринимается как бред.

Любить бы женщину. Но как?
Любовью книжного романа?
Но там где двое — жди обмана
и бесконечных передряг.

Бродить по свету. Но зачем?
Всё одинаково по сути:
холмы, моря, дома и люди.
Уйдя, воротишься ни с чем.

Менять судьбу. Но для кого?
Да и бесплодно дело это.
Не будет нового сюжета
существованья твоего.

УЧИТЕЛЬ

Помаду не стерев с пальто,
домой придя порой ночною,
учитель по борьбе дзюдо
избит был собственной женою.

Раздута верхняя губа,
синяк мерцает, как лампада.
Увы, восточная борьба
для русской бабы не преграда.

Оторван воротник пальто
в обход плохой попытки блока,
и кляп учителю дзюдо
сооружён в мгновенье ока.

От горя дзюдоист мычал.
Его задело за живое,
что он напрасно изучал
всю жизнь искусство боевое.

Что чёрный пояс не помог
остановить жену Надежду,
не спас и хитроумный блок
мужскую верхнюю одежду.

Ты что же, ночью приходя,
ждал похвалы иль дифирамба?
Забыл, что баба у тебя
преподаватель в школе самбо?

ПОТЕНЦИЯ

Плохая экология и стресс,
скандалы без существенной причины,
проблемы на работе, лишний вес
влияют на потенцию мужчины.

Потенция не станет долго ждать,
когда мужик решит свои проблемы
и, сбросив килограммов двадцать пять,
получит пропуск в женские гаремы.

Потенция вещички соберёт
и мужика покинет в то мгновенье,
когда он в гости к женщине придёт
унять своё любовное томленье.

«Вы что же, без потенции ко мне? —
Воскликнет эта женщина по праву. —
Подите прочь, к детишкам и жене.
Мне витязи такие не по нраву!»

Про стресс, про экологию мыча,
про век жестокий, что напрасно прожит,
мужчина в кабинете у врача
распишет, как он хочет, но не может.

Врач скажет: «Вы попейте что-нибудь,
природу на досуге посетите.
Я не пойму проблемы вашей суть
и отчего так сильно вы грустите».

Врач не поймёт, ему за шестьдесят,
а мужику совсем чуть-чуть за сорок.
И чресла его радости хотят,
и секс ему ещё, представьте, дорог!

Была ему потенция верна,
и он об этом вспоминает часто,
дружила с ним и хоть лишала сна,
но то по делу — для мужского счастья.

Не спит мужик, глядит на Млечный путь.
Что если там душа её томится?
Ну что ей стоит со звезды спорхнуть
и на родное место водрузиться?

ТРИ НАУКИ

Тёмно-синий бархат ночи
опустился нам на плечи.
Я запомню твои очи
и взволнованные речи.

Наше время на исходе,
каждое его мгновенье.
Одиночество в природе —
заурядное явленье.

Не дано мне быть любимым,
хоть науку обольщенья
в мире призрачном и мнимом
я впитал до отвращенья.

Вслед за встречами — прощанья,
вслед за близостью — раздоры.
Я наукою молчанья
овладел довольно скоро.

От меня не жди признаний,
всякое признанье — ложно.
Есть наука расставаний,
с нею спорить невозможно.

АНФИСА И ГУСАР

«Ваш номер шесть? Я верно угадал?» —
Спросил он, изучая её грудь.
Она зарделась: «Сударь, вы — нахал.
Но угадали. Вас не обмануть!»

Так с барышней Анфисой в тишине
завёл он откровенный разговор.
«Вы замужем? Ответьте честно мне». —
«Нет, сударь, одинока до сих пор».

«Здесь душно. Разрешите расстегнуть
три пуговки на кофточке у вас,
чтобы частично оголилась грудь,
чтобы гусарский пыл мой не угас».

«Здесь правда духота — что есть, то есть.
Могу ли я гусару отказать?
Чего уж там, расстёгивайте шесть.
За каждую не стану воевать».

Гусар напрасно время не тянул.
Чтоб пользу максимальную извлечь,
он все двенадцать шустро расстегнул,
и кофточка сползла с девичьих плеч.

Гусар тот был настойчив, но не груб.
Таких на белом свете пруд пруди.
Анфису целовать он начал с губ,
спускаясь к её трепетной груди.

И запылало цветом кумача
лицо девицы, что забыла страх,
когда гусар, усами щекоча,
припал к груди, держа её в руках.

Анфиса трепетала как могла
и поняла, что чести не сберечь,
когда в покоях воцарилась мгла,
когда мужчина китель сбросил с плеч.

Что оставалось барышне простой
желающей, как прочие, любви —
тем паче, что размер её шестой
такую страсть разжёг в мужской крови?

Как на перинах мягких был хорош
союз двух тел, гармония начал,
когда ни симуляцию, ни ложь
никто из них ни разу не включал!

Гусар летучий таинством владел
гусарской эротической любви
и с девушкой, вдали от ратных дел,
он применил все навыки свои.

Но рано поутру жестокий рок
позвал гусара продолжать войну.
Убрал гусар нефритовый клинок,
на даму поглядев как на жену.

Умчался он, отдав Анфисе честь,
хотя по факту отдали ему,
а через день пришла дурная весть,
что пал он смертью храбрых за Москву.

Ах, сколько их — молоденьких ребят —
столицу защищало всякий раз!
И наш гусар, Анфисы вспомнив взгляд,
расстался с жизнью, выполнив приказ.

Анфиса вскоре сына родила.
Живёт в глуши, где жизнь подобна сну,
где клятву она Господу дала,
что не отпустит сына на войну...

ЛЮБОВЬ И ПЕНСИЯ

Ей было тридцать, тридцать пять Ему,
когда любовь сердца их повенчала.
Жизнь впереди. И, судя по всему,
она имела светлое начало.

До пенсии любить грозился Он
свою жену в шутейном разговоре.
Она же отвечала Ему в тон,
что это мало, хочется поболе.

Прознал об этом Пенсионный фонд
и чуть не впал от огорченья в кому.
Созвал на совещанье свой бомонд
и вынес приговор: «Не быть такому!»

Влюблённым был продлён заветный срок —
во благо: чтоб их счастье длилось долго,
повысили налоги под шумок,
статистикой усилив чувство долга.

Он утешал Её, как только мог:
«И до и после пенсии желанной
любовь пребудет в нас. Исполним долг
и насладимся наконец нирваной.

Продержимся, родная, не боись!
Что делать, денег нет в стране и в мире», —
так было бы, но Он, влюблённый в жизнь,
на службе умер в шестьдесят четыре.

Она, не в силах вынести беды,
слегла, ну а спустя три месяцочка
ушла к Нему, когда цвели сады,
до пенсии не дотянув годочка...

***

Когда смычок целует скрипку,
когда касается рука
руки Твоей, когда улыбка
Твоя, как музыка, легка…

Когда, предчувствуя начало
чего-то главного, душа
замрёт от нежности сначала,
простой мелодией дыша...

Потом взмахнёт крылом прозрачным,
к Тебе незримо устремясь,
Твоим дыханием горячим,
Твоим восторгом насладясь.

Мгновенье близости случайной
Твоей подарено рукой,
и с лёгкостью необычайной
душа расстанется с тоской.

Соединяясь в каждом звуке
с пространством, временем, судьбой,
душа полюбит Твои руки,
душа останется с Тобой.